

П. И. ЖАВОРОНКОВ

НИКЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ВОСТОК

(Взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40—50-е годы XIII в.)

Никейская империя, возникшая в северо-западной части Малой Азии вскоре после взятия в апреле 1204 г. Константинополя крестоносцами, четвертое десятилетие своего существования встречала в сложной международной обстановке.

Три момента определяли внешнеполитическую деятельность империи в 40—50-е годы XIII в.: опасность со стороны татаро-монголов, необходимость устранения соперников (Болгарии и Эпирского деспотата) в борьбе за «византийское наследство», возможность возвращения Константинополя путем унии с Римом. Мы не случайно поставили вопрос о взаимоотношениях с монголами на первое место. Восточный вопрос, столь важный в первое десятилетие существования империи¹, с конца 30-х годов XIII в. вновь становится одним из главных во внешней политике никейских императоров. Если при решении двух последних вопросов речь шла о *праве* на восстановление Византийской империи, то положительное решение проблемы взаимоотношений с татаро-монголами означало сохранение империи как независимого и целостного государства. В данной работе мы попытаемся исследовать как самый ход взаимоотношений Никейской империи с соседними восточными государствами, прежде всего — эволюцию восточной политики, так и задачи, которые ставились при этом греческим государством.

Отношения Никейской империи с Иконийским султанатом после 1217 г. оставались мирными. Однако с начала 30-х годов XIII в. они претерпевают значительные изменения, которые были вызваны появлением на востоке грозного врага — татаро-монголов. Завоевание в начале 20-х годов Средней Азии и вторжение монгольских полчищ под командованием Джебе и Субедея в Закавказье послужили причиной массового бегства мусульман из этих областей в пределы Иконийского султаната и к границам Никейской империи². Приток мусульманского населения в западные районы султаната, с одной стороны, обострил пограничные конфликты между гази и акритами в начале 30-х годов XIII в.³, а с другой — оказал влияние на восточную политику империи.

¹ См. Жаворонков П. И. Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг. — ВВ, 37, 1976, с. 48—61.]

² Согласно турецким источникам, их число превышало 70 тыс. человек; см. Werner E. Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen (1300—1481). Berlin, 1972, S. 53.

³ Сирийский хронист Ибн Натиф, современник Кей-Кубада, пишет, что около 1230 г. произошло два сражения между султаном и «Ласкарем»: в первом победили сельджуки, во втором — греки. Сомнительно, чтобы это было нечто большее, чем пограничные столкновения; см. Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. New-York, 1968, p. 135. Возможно, одно из них можно отождествить с набегом эмира Мубариза-эд-Дина на землю «Ласкаря»; см. Duda H. W. Die Seltchukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959, S. 123.

Никейская дипломатия во взаимоотношениях с соседними восточными государствами становится на путь лавирования. Империя, заключая союзы с Иконийским султанатом против татаро-монголов, стремится, однако, к тому, чтобы не вызвать этим нежелательных последствий. Отношения с татарами становятся стержнем всей восточной политики никейских императоров, а отношения с Иконией находятся в зависимости от них. Определяющим моментом в действиях Империи является серьезность татаро-монгольской угрозы.

Когда в конце правления султана Кей-Кубада I (1220—1237) монголы впервые вторглись в пределы султаната, император Иоанн III Ватац (1222—1254), по-видимому, послал на помощь султану греческое вспомогательное войско ⁴, а после того как монголы, потерпев поражение, ушли ⁵, Никея и Киликийская Армения обязались помогать Кей-Хюсреву II (1237—1245) оружием ⁶. Именно это первое нападение монголов на Иконию и поставило перед восточными государствами задачу объединения против общего врага.

Нам кажется, что именно с этой точки зрения следует рассматривать предложение Киликийской Армении в 1239 г. начать переговоры с Никеей по поводу объединения церквей. Решение данного вопроса означало бы возможность заключения прочного союза между двумя государствами в это тревожное время. Поэтому посланцы короля Хетума и католикоса Константина (монахи Феодорит и Василий) были радостно встречены Ватацем и патриархом Германом и с письмом последнего отправлены вместе с митрополитом Мелитины в Армению ⁷. Но переговоры остались незаконченными, так как, когда летом 1241 г. к католикосу прибыло новое никейское посольство в составе митрополита Мелитины и патриаршего логофета Иоанна вместе с посланцами Хетума (митрополитом Селевкии Герасимом и королевским логофетом Григорием), католикоса в Армении не оказалось и греческие послы вернулись ни с чем в Никею ⁸.

Уже через два года новое вторжение татар в Иконию и разгром 26 июня 1243 г. при Кесе-даго 180-тысячного сельджуцкого войска ⁹, в состав которого, помимо других народностей, входило около двух тысяч латинских рыцарей и тысячный вспомогательный наемный отряд из Никейской империи ¹⁰, окончательно изменили обстановку на востоке. Разбитый Кей-Хюсрев просит более действенной помощи у Никей ¹¹ и в конце 1243 г.

⁴ В разноплеменном войске султана находился и греческий контингент; см. *Gregorii Abulpharagii sive Bar-Hebraei Chronicon Syriacum*. Lipsiae, 1789 (далее — *Bar Hebraei Chronicon*), p. 497. Скорее всего, это было вспомогательное войско, посланное Ватацем; см.: *Cahen Cl. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche*. Paris, 1940, p. 693; *Werner E. Wandel im Osten: Das Sultanat Konya im 13. Jahrhundert*. — «Byzantinische Forschungen», 4, 1972, S. 224.

⁵ *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, с. 153—154; *Гастян А.* Завоевание Армении монгольскими войсками. — В кн.: *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1970, с. 165.

⁶ Армения должна была поставлять ежегодно 1400 копий, а Никея—400; см. *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*, p. 135—136.

⁷ *Lagorates Sp. Nik. Γερμανός ὁ Β', πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως-Νικίαιας* (1222—1240). Βίος, συγγράμματα καὶ διδασκαλία αὐτοῦ, Ἐν Τρίπολει, 1914, p. 354—357; *Laurent V. Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople*, I, fasc. IV (1208—1309). Paris, 1971, № 1290.

⁸ См. *Laurent V. Op. cit.*, N 1309, p. 115—116.

⁹ Датировка в кн.: *Grousset R. L'Empire des steppes*. Paris, 1939, p. 325—328; *P. J. Wolff (Wolff R. L. The Latin Empire of Constantinople (1204—1261)*. — In: *A History of the Crusades, vol. 2. The Later Crusades (1189—1311)*. London, 1969, p. 233) считает, что сражение произошло 2 июля 1243 г.

¹⁰ *Duda H. Op. cit.*, S. 227; *Bar Hebraei Chronicon*, p. 502; *Галстян А.* Указ. соч., с. 165—166; *Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from the Eleventh through the Fifteenth Century*. London, 1971, p. 234.

¹¹ Несколько ранее император Латинской империи Балдуин II хотел заключить союз с сельджуками, надеясь таким образом отвлечь силы ромеев от Запада. Но союз не состоялся, так как Балдуин не смог найти принцессу для гарема султана; см. *Di-*

посылает посольство к Ватацу для заключения союза против татаро-монголов. Никейский император, только что вернувшийся из похода на Фессалонику, принимает послов и заключает договор о совместных действиях¹², который вскоре был подтвержден при личном свидании императора и султана в крепости Триполи на Меандре¹³. Возможно, что при этом был заключен и брачный союз одной из дочерей Ватаца с сыном султана — Кей-Каусом, мать которого была дочерью греческого священника. Об этом можно предполагать как на основании слов Акрополита о том, что при свидании правители двух государств «еще теснее скрепили заключенный перед этим союз»¹⁴, так и анализируя последующие действия этого султана, который в 50-е годы дважды ищет убежища и поддержки в Никее.

Однако этот договор для Никейки был формальным актом, так как никейские императоры никогда по-настоящему не помогали своему союзнику в борьбе против татар, боясь навлечь на себя их гнев. В империи Ватац начал принимать энергичные меры на случай нападения монголов: готовил оружие и продовольствие, строил крепости, заботился об их охране, ввел систему распределения продуктов среди населения с целью создания их запасов¹⁵. Но татары, сделав данником Иконийский султанат¹⁶, повернули на юг, в сторону Багдада, и Ватац вновь смог заняться балканскими делами (поход осенью 1246 г. на Болгарию).

Монголы, хорошо осведомленные о положении дел у своих врагов, попытались разрушить союз Никейки, Иконии и Киликийской Армении. В отношении последней им это удалось легко. В 1243—1244 гг. Армения отпала от союза¹⁷. Что касается Никейки, то монголы решили использовать папский Рим и в 1248 г. послали посольство к папе Иннокентию IV с предложением союза против Ватаца. Однако этот план не удался¹⁸. Папа надеялся подчинить ромеев путем объединения церквей и был занят в то время подготовкой унии.

chesne A. *Historiae Francorum Scriptores*, vol. V. Parisiis, 1649, p. 424—426. К тому же и султан не желал разрыва отношений с Никеей, так как именно она, а не бедный латинский Константинополь, могла оказать существенную помощь Иконии.

¹² *Georgii Acropolitae Opera*, vol. I, rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903 (далее — *Acrop.*), p. 69.9—70.3. Заключая союз, Ватац полагал, что сельджуков можно будет использовать как прикрытие от нашествия монголов; см. *Nicephori Gregorae Byzantina historia*, vol. I, ed. J. Schopen. Bonnae, 1889, (далее — *Greg.*), p. 41.10—25.

¹³ *Acrop.*, I, p. 70.3—8; *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*, Bd. III. München, 1932, № 1776; *Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора в XIII в.* Прага, 1927, с. 70.

¹⁴ *Acrop.*, I, p. 70.4—5; ср. *Bees N. A. Die Inschriftenaufzeichnung des Kodex Sinaiticus Graecus 508 (976) und die Maria-Spiläotissa-Klosterkirche bei Sille (Lykaonien). Mit Exkursen zur Geschichte der Seldschukiden—Türken.* Berlin, 1922, S. 61.

¹⁵ *Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII*, vol. I, rec. I. Bekker Bonnae, 1835 (далее — *Pach.*), p. 134.2—11; *Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCXVII, nunc primum ed. N. Festa.* Firenze, 1898 (далее — *Theodori Epistulae*), p. 100.

¹⁶ Неясно, на каком основании Н. П. Шастина в своих добавлениях к примечаниям А. И. Малеина к «Путешествию» Г. Рубрика считает, что и Никейская империя стала данником татар; см. *Путешествия в Восточные страны Платона Карпини и Рубрика*. М., 1957, с. 223, № 23.

¹⁷ После поражения султана в 1243 г. его семья бежала к Хетуму, но по требованию монголов была им выдана. В благодарность за это монголы заключили союз с Хетумом (Констабль *Смбат*. Летопись. — В кн.: *История монголов*, вып. I. СПб., 1873, с. 66; *Кирикос Гандзакеци*. История Армении. Перевод, предисловие и комментарии Л. А. Ханларян. М., 1976, с. 178—179), по которому Армения должна была снабжать монгольскую армию продовольствием, а в случае необходимости выставлять и войско. Фактически она стала данником монголов. См. *Галстян А.* Указ. соч., с. 164; *Dawson Ch. The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in thirteenth and fourteenth Centuries.* London, 1955, p. XXI.

¹⁸ *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*, t. V, ed. H. R. Luard. London, 1880, p. 38; *idem. Historia Anglorum sive Historia minor*, t. III, ed. F. Madden, London, 1869, p. 38—39. Папа соглашался на это только при условии, если все татары будут креплены, на что послы ответили, что они не уполномочены решать такие вопросы.

После смерти султана Кей-Хюсрева II (1245 г.) между его тремя сыновьями (Кей-Каусом, Кылич-Арсланом и Кей-Кубадом) начались раздоры из-за престола. Воспользовавшись тем, что Кылич-Арслан отправился за помощью к великому хану, Кей-Каус, опираясь на родство с никейским императором и его помощь, взшел на престол¹⁹. Эта внешнеполитическая акция Никеи, результатом которой было укрепление влияния империи в Иконии и подтверждение договора против татаро-монголов, по-видимому, и послужила основной причиной провала третьей попытки заключить союз церквей и договор между Никеей и Киликийской Арменией. Когда зимой 1247/48 г. посланец Хетума вардапет Иаков²⁰ прибыл в Никею, он был радушно принят патриархом и вскоре вместе с греческим посольством отправился назад²¹. Однако, как и в 1241 г., переговоры закончились неудачей. Было ли посольство Смбата, брата короля, к великому хану в 1248 г. следствием провала переговоров или, напротив, переговоры явились причиной посольства в Каракорум, договор, вторично заключенный армянским историком Смбатом Спараетом, был косвенно направлен и против Никейской империи²². Однако серьезных последствий для Никеи он не имел²³.

Успехи Никейской империи к началу 1254 г. были огромными. Владения ее простирались на западе от Адриатики до Черного моря²⁴. Латинянам принадлежали лишь окрестности Константинополя. Сербия признала суверенитет Никеи²⁵. Но эти успехи могли быть сведены на нет угрозой татарского нашествия, которая вновь возросла в конце 1253 г.²⁶ Опасения никейского императора усилились с прибытием в Никею татарского посольства, которое монголы нередко посылали перед нападением на страну. Об этом сообщает Рубрук со слов одного участника посольства, которого францисканец встретил в Каракоруме перед своим отъездом (15 июня 1254 г.)²⁷. Ватацу удалось подарками расположить татар к себе и вместе с ними послать свое посольство к Менгу-хану²⁸. Целью его, вероятно, было не только изъявление дружественных намерений, но и стремление помешать образованию союза между Балдуином II и ханом Бату²⁹.

Однако Ватац опасался за исход посольства и, по словам Скутариота, в феврале (1254 г.) «проводил дни в Никее, боясь татар, и делал все возмож-

¹⁹ *Киракос Гандзакеци*. История Армении, с. 196.

²⁰ Там же, с. 81.

²¹ *Laurent V*. Op. cit., N 1309, p. 115.

²² *Киракос Гандзакеци*. История Армении, с. 196; Констабль *Смбат*. Летопись, с. 67. По договору к Армении отходили некоторые области султаната, некогда принадлежавшие ей. Монголы, несомненно, шли на уступки Хетуму, так как не желали видеть Армению в союзе с Никеей; см. *Сукиясян А. Г.* Смбат Спарает как полководец и дипломат. — «Вестник Ереванского университета», 1973, 1, с. 82—98 (на арм. яз.).

²³ На церковном соборе 1250 г. при обсуждении с папскими легатами догматических вопросов присутствовало и армянское духовенство; см. *Nicéphori Blemmydae Curgiculum vitae et carmina*, ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1896, p. 41.4; *Андреева М. А.* Адресаты и датировка двух писем Никифора Влеммида. — В кн.: Сборник статей, посвященных П. Н. Милокову, 1859—1929. Прага, 1929, с. 203.

²⁴ См. *Аcrop.*, I, p. 13.16—20; 18.9—12; 23—25, 28—29; *Андреева М. А.* A propos de l'éloge de l'empereur Jean III Batatzès par son fils Théodore II Lascaris. — SK, X, 1938, 138; *Theodori Epistulae*, p. 57.32—36.

²⁵ *Аcrop.*, I, p. 18.25—28.

²⁶ Мункэ, по словам Рубрука, послал одного из своих братьев с войском в Иконийский султанат, чтобы он оттуда нападал на владения Ватаца; см. *Relations des voyages de Guillaume de Rubruk, Jean du Plan Carpin, etc.* — In: «Recueil des voyages et de mémoires», t. 4. Paris, 1839 (далее — *Rubruk, Voyages*), p. 347.6—8.

²⁷ *Ibid.*, p. 350.21—23.

²⁸ *Ibidem*; *Dölger F.* Op. cit., N 1816.

²⁹ О том, что такой союз намечался, свидетельствует Рубрук, который сам привез грамоту Балдуина во время своего путешествия на Волгу (июнь 1253 г.) одному из военачальников Бату в Крым — Скатаю; см. *Rubruk. Voyages*, p. 239.10—12, 242.3—7; *Beazley C. R.* The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubriquis. London, 1903, p. 157.26—28; 159.7—10.

ное для ее охраны и безопасности»³⁰. Эти тревоги еще более усилились, когда в конце 1254 г. на территории Никейской империи был схвачен монах Феодул, возвращавшийся от Менгу-хана с поручением к королю Франции Людовику IX и папе. И хотя монах не был официальным послом, его сопровождало направлявшееся в Рим монгольское посольство³¹. Когда глава посольства умер в Никее и оно не смогло продолжить свой путь, никейский император, боясь нежелательного истолкования этого факта, отправил с оставшимися татарами грамоту («золотую буллу») к Менгу-хану³². Эти события уже относятся к началу царствования Феодора II Ласкаря³³, который после смерти Ватаца 3 ноября 1254 г. занял императорский престол.

Восточная политика империи не претерпевала существенных изменений при Феодоре II. Она характеризовалась все тем же лавированием между союзом и несущественной помощью Иконийскому султанату, с одной стороны, и стремлением не вызвать этой помощью недовольство татаро-монголов — с другой. Однако в политике нового императора все же можно заметить некоторый сдвиг в сторону более действенной помощи сельджукам.

Еще до прибытия монгольского посольства, о котором говорилось выше, только что провозглашенный императором Феодор отправил из Филадельфии посольство к султану³⁴, вероятно, для подтверждения договора, заключенного его отцом. В то же время мы знаем, что через несколько месяцев (конец 1254—начало 1255 г.) император вторично отправил посольство в Иконий³⁵. Чем это было вызвано? Нам представляется, что не последнюю роль здесь сыграло внутреннее положение в султанате в конце 1254—начале 1255 г., когда между Кылич-Арсланом IV и Кей-Каусом II началась борьба за престол³⁶. Первый пытался найти поддержку у татар, второй — у греков. Результатом этого посольства было заключение договора о помощи Иконии. Когда весной 1256 г. Феодор II отправлялся в поход на Балканы, он предварительно отправил посольство к султану, чтобы узнать, находится ли в безопасности сельджуки и не нуждаются ли они в защите³⁷.

Однако ни за этот договор, ни за участие в сражении у Аксары против татар осенью 1256 г. отряда греков под командованием бежавшего из Никей Михаила Палеолога, ни за помощь султану Кей-Каусу³⁸, прибыв-

³⁰ *Acrop.*, I, p. 284.10—13.

³¹ *Rubruk. Voyages*, p. 312.10—313.4.

³² *Ibid.*, p. 313.5—8.

³³ С этими татарами Рубрук встретился в Эрзуруме при возвращении из Каракорума в Акру; см. *Rubruk. Voyages*, p. 313.8—9. Так как известно, что в Акру он прибыл 15 августа 1255 г. (*Андреева М. А.* Прием татарских послов при никейском дворе. — В кн.: Сборник статей, посвященный памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926, с. 191), то и встреча в Эрзуруме не могла произойти ранее начала 1255 г. Таким образом, отправление грамоты должно быть датировано концом 1254 г.

³⁴ *Acrop.*, I, p. 106.1—2; *Dölger F. Op. cit.*, N 1824.

³⁵ *Greg.*, I, p. 56.4—7; *Dölger F. Op. cit.*, N 1825. М. Нистазопулу (*Nystazopoulou M. La dernière reconquête de Sinope par les Grecs de Trébizonde (1254—1265)*. — *REB*, 1964, 22, p. 224, n. 15) считает, что было одно посольство Феодора II к султану, а не два. Выражения *πρεσβητα* у Акрополита и *ἀναγεομενος* у Григоры означают одно событие.

³⁶ *Rubruk. Voyages*, p. 394.4—20; *Bees N. Op. cit.*, S. 43; *Nystazopoulou M. Op. cit.*, p. 244.

³⁷ *Acrop.*, I, p. 125.1—9; *Dölger F. Op. cit.*, N 1830.

³⁸ Феодор дал ему отряд в 400 всадников, получив взамен города Лаодикию (*Acrop.*, I, p. 143.25—144.14) и Хоны с двумя крепостями (*Scut.*, p. 295.13—15), но вскоре опять возвратил их сельджукам, понимая, как опасен этот подарок, поскольку и татары претендовали на эту область подвластного им султаната (*Acrop.*, I, p. 144.14—15). Кроме того, именно в 1256 г. начинается создание в этом районе Мехмет-беком княжества Денизли из туркоман, проживающих около Лаодикии и Хон. Греки не в силах были сдерживать их натиск; см. *Cahen Cl. Notes pour l'histoire des Turcomanes d'Asie Mineure au XIIIe siècle*. — «*Journal asiatique*», t. 239, fasc. 3, 1951, p. 336. Реально предположить, что именно к этому периоду относятся посольство султана Египта к Феодору с дарами (*Acrop.*, I, p. 297.5—6), которые надо

шему к Феодору II в Сарды в начале января 1257 г.³⁹, монголы не наказали империю. Напротив, уже в конце 1257—начале 1258 г. они присылают посольство к Феодору II Ласкарию⁴⁰. Последний, желая укрепить дружественные отношения с монголами и показать силу и могущество своего государства с большим почетом принимает в Магнезии татарских послов и с помощью хитрости демонстрирует мощь своего войска⁴¹. Переговоры с татаро-монголами окончились благополучно для империи, но договор еще не был заключен⁴²; Феодор II стал готовить ответное посольство⁴³. По-видимому, на переговорах греческого посольства с монголами в Каракоруме и была достигнута договоренность о брачном союзе с великим ханом Хулагу, но невеста была отправлена только в 1265 г.⁴⁴

Таким образом, никейской дипломатии удалось отвести угрозу татаро-монгольского нашествия на империю в царствование Феодора II Ласкария. Но это потребовало постоянного внимания к этой проблеме и привлечения значительных сил для охраны восточной границы.

Взаимоотношения с татарами и сельджуками, оказавшие значительное влияние на внешнюю политику Никейской империи в царствование Ватаца и Феодора II, остались одним из наиболее важных аспектов внешнеполитической деятельности и последнего никейского императора Михаила VIII Палеолога. Однако они претерпели некоторые изменения по сравнению с политикой его предшественников. Если Ватац и Феодор в политике лавирования между помощью сельджукам и стремлением к установлению дружественных отношений с монголами отдавали предпочтение помощи Иконии (особенно Феодор), то Палеолог, хотя и не разрывает союз с сельджуками, но совершенно отказывается от помощи султану и уделяет все внимание укреплению дружественных отношений с татаро-монголами. Об этом свидетельствуют события 1259—1260 гг.

Став императором, Михаил VIII извещает об этом султана⁴⁵, а через некоторое время принимает его послов, обещая ему помощь и подобающий прием, если тот окажется в стеснительных обстоятельствах и придет к нему⁴⁶. Но это было лишь обещания. Султан Кей-Каус II, уличенный — после поездки с братом к Хулагу в 1259 г. и раздела султаната на две части — в связи с египетскими мамлюками, злейшими врагами татар⁴⁷,

расценивать как благодарность и поощрение за помощь сельджукам в борьбе против татар. Известно, что вскоре Кей—Каус попытается тайно заключить союз с Египтом против татар, но будет разоблачен ими (см. ниже).

³⁹ *Асрор.* I, p. 294.17—295.10. *Duda H.* Op. cit., S. 245—276. Получив войско и узнав, что монгольские войска оставили Иконий, Кей-Каус II вернулся туда. См. об этом: *Duda H.* Zeitgenössische islamische Quellen und das Ogyzname des Jazugyoglu 'Alî zur angeblichen türkischen Besiedlung der Dobrudscha im 13. Jhr. N. Chr. — СБАИ, т. 66, клон истор.-филол., 1943, с. 133; *Cahen Cl.* Notes pour l'histoire des Tourco-mans, p. 342.

⁴⁰ Не может быть сомнений, что посольство преследовало прежде всего разведывательную цель. Монголы никогда не нападали, не узнав хорошо о силе врага.

⁴¹ *Pach.*, I, p. 134.14—136.2. Подробнее см. *Андреева М. А.* Прием татарских послов, с. 195—201.

⁴² Акрополит говорит, что тогда еще не заключили полного мира и договора, не установили прочного согласия: *Асрор.*, I, p. 157.11—14. Существует предположение, что в этих переговорах участвовали и русские дипломаты, которые добились у татар согласия сохранить в прежнем виде русско-никейские церковные отношения, хотя и под контролем русской епископии, организованной в 1261 г. в Сарае; см. *Паушто В. Т.* Очерки по истории Галицко—Волынской Руси. М., 1950, с. 274.

⁴³ Посольство было отправлено в самом конце царствования Феодора II и хорошо принято татарами; см. *Pach.*, I, p. 137.2—3; *Андреева М. А.* Очерки по культуре византийского двора, с. 72.

⁴⁴ Михаил Палеолог отправил свою дочь Марию, рожденную от незаконной связи с Дипловатадиной. Но ко времени прибытия невесты хан умер, и ее взял в жены его сын и преемник Абака (см. *Андреева М. А.* Прием татарских послов, с. 200; *Atabinen R. S.* Les Turcs occidentaux et la Méditerranée. Istanbul, 1956, p. 136—137).

⁴⁵ *Pach.*, I, p. 99.18—100.2; *Dölger F.* Op. cit., N 1859.

⁴⁶ *Pach.*, I, p. 105.20—106.5.

⁴⁷ О взаимоотношениях Кей-Кауса II со своим братом Кылич-Арсланом IV и о положении в Иконийском султанате см. *Nystazopoulou M.* Op. cit., p. 245.

был вынужден бежать к Михаилу, надеясь на старую дружбу (1256 г.). Он с семьей был хорошо принят императором, однако в ответ на свое требование сразиться с монголами или дать ему несколько областей Никейской империи так ничего от Палеолога и не получил⁴⁸. В этот ответственный момент, когда Михаил VIII готовился к решающему штурму Константинополя, сохранение хороших отношений с монголами (а то, что он удерживал у себя султана, было выгодно последним) являлось целью восточной политики Палеолога⁴⁹.

Ответ на вопрос о том, к какому времени относятся эти события, поможет лучше понять взаимоотношения империи с сельджуками и монголами в этот недостаточно изученный в литературе период. Относительно времени прибытия султана к Палеологу мы не располагаем точными сведениями. Акрополит вообще ничего не говорит о бегстве султана, а Пахимер⁵⁰ и Григора⁵¹ рассказывают о нем незадолго до повествования о взятии Константинополя. Ибн Биби помещает рассказ о бегстве вскоре после описания поездки Кылич-Арслана IV и Кей-Кауса II к Хулагу, которая, как поясняет Абу-ль-Фида⁵², состоялась в 1259 г. Вернувшись, Кылич-Арслан IV двинул против брата вспомогательный отряд монголов, надеясь захватить его владения. Кей-Каус II бежит вначале в Атталию⁵³, а затем на галерах — к императору в Константинополь⁵⁴. Исходя из этих данных, следует признать, что прибытие султана к Михаилу VIII Палеологу могло произойти как в начале 1260 г., так и после взятия Константинополя⁵⁵. В пользу последнего предположения, как будто, говорит и тот факт, что о нем сообщают современники этого события — Акрополит и Ибн Биби (молчание Акрополита также подтверждает это предположение: его «Хроника» оканчивается рассказом о взятии Константинополя).

Однако это не так. У Пахимера имеется интересное свидетельство, что султан находился в войске Палеолога, которое под командованием императора совершило походы из восточных районов империи⁵⁶. Но Пахимер не сообщает о том, что это за походы и к какому времени они относятся. И здесь чрезвычайно ценны сведения, которые содержатся в «Энкомии» Мануила Оловола⁵⁷. После возвращения Палеолога весной 1260 г.⁵⁸ из-под Галаты, осада которой окончилась неудачно⁵⁹, император отпра-

⁴⁸ *Pach.*, I, p. 131.1—4; 131.11—132.2; *Greg.*, I, p. 82.15—83.2.

⁴⁹ Пахимер писал, что Палеологу не только было «страшно думать о войне с ними, но одно их имя поражало его страхом»: *Pach.*, I, p. 133, 16—134.2.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 131.1—14.

⁵¹ *Greg.*, I, p. 82.10—16.

⁵² *Aboulféda. Annales Muslemici*, t. 4. Kopenhagen, 1794, p. 473 (в 657 г. хиджры = 28 декабря 1258—18 декабря 1259).

⁵³ *Рашид-ад-Дин* («Сборник летописей», т. 2. М.—Л., 1960, с. 197) говорит, что не к Атталии, а к Лаодикии.

⁵⁴ *Duda H. Die Selttschukengeschichte des Ibn Bibi*, S. 283.

⁵⁵ Именно так и обстоит дело в литературе. *Андреева М. А.* Прием татарских послов, с. 200 (считает, что возможен 1259 г.); *Duda H. Zeitgenössische islamische Quellen. . .*, S. 137 (конец 1260 г.); *Laurent V. Une Famille turque au service de Byzance: les Méliques.* — *BZ*, 1956, 49, p. 361 (конец 1260—начало 1261 г.); *Enzyklopädie des Islam*, Bd. 2. Leipzig, 1927, S. 682; *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*, p. 279; *Wittek P. Les Gagauzes. Les gens de Kay-Kaus.* — «*Rocznik Orientalistyczny*», 17, 1951/53, p. 13; *Bees N. Op. cit.* S. 44 (лето—осень 1261 г.).

⁵⁶ *Pach.*, I, p. 132.5—15.

⁵⁷ *Siderides X. Μαρούλι 'Ολοζώλου ἐγχώμιον εἰς τῷ αὐτοκράτορα Μιχαήλ Η' τὸν Παλαιολόγον.* — *ΕΕΒΣ*, 3, 1926, p. 174—191.

⁵⁸ Обоснование датировки похода Михаила на Галату зимой 1260 г. (январь—апрель) см. *Wirth P. Von der Schlacht von Pelagonia bis Wiedereroberung Konstantinopels.* — *BZ*, 55, 1962, S. 35. Раньше считалось, что поход никейских войск начался только весной 1260 г. (по Акрополиту). В подтверждение вывода П. Вирта говорят и свидетельства Пахимера (*Pach*, I, p. 118.2—6) и Григория Кипрского (PG, 142, 1865, col. 24), которые П. Вирт не привлекает.

⁵⁹ *Pach.*, I, p. 122.1—124.12; *Greg.*, I, p. 81.3—5; Согласно Акрополиту, Палеолог отправился в поход не для штурма Галаты, а чтобы взять Константинополь, ключи от

вился к древней Трое (долина Скамандра), а затем (не позднее конца осени) — к реке Меандр⁶⁰. С большой долей уверенности мы можем сказать, что именно эти походы (по крайней мере, последний) и имеет в виду Пахимер, когда говорит об участии в них султана. Сообщая о присутствии Кей-Кауса в греческом войске, Пахимер пишет, что сельджуки, оставшись без султана, стали переходить границу и занимать пограничные районы⁶¹. Это же подтверждает и Оловол, уточняя, что Палеолог был вынужден начать поход против сельджуков, вторгшихся в район верхнего Меандра, при впадении в него рек Анаксивиа и Керкафос⁶². Таким образом, речь идет, по-видимому, об одном и том же событии, а если это так, то и Кей-Каус II мог прибыть к Палеологу не позднее осени 1260 г. и не ранее конца 1259 г.⁶³

Дальнейший рассказ Мануила Оловола об этом походе опровергает мнение, сложившееся на основании исследования «Истории» Пахимера, что Палеолог не предпринимал никаких военных действий против сельджуков, а напротив, принимал их в подданство и опирался на них в борьбе с татарами⁶⁴. Согласно «Энкомию» Мануила Оловола, Михаил VIII не только изгнал вторгшихся сельджуков, но и сам, перейдя Меандр, захватил их землю.

Целью похода, по словам ратора, было укрепить безопасность своей державы и расширить ее пределы⁶⁵.

Почему же Палеолог осмелился напасть на Иконию, подвластную в это время монголам? Думается, что объяснение следует искать в договоре о дружбе, который был заключен с монголами приблизительно в это же время⁶⁶. Результатом его, по-видимому, было не только признание свободы действий татар в Иконии⁶⁷, но и — при помощи заключения брачного союза с Хулагу⁶⁸ — предоставление Никее прав на район Меандра, занятый скотоводческими племенами туркоманов⁶⁹, вождь которых, Мехмед-бек, основатель эмирата Денизли, не желал признавать ни власть султана, ни власть монголов⁷⁰.

Таким образом, Палеолог не только совершенно отказался от помощи султанату, но за мир с татарами обязался не допускать возвращения Кей-

ворот которого ему обещал его двоюродный брат Асель де Тустье. Но он обманул императора (*Асрор.*, I, p. 173.24—175. 15). Пахимер тоже говорит, что войск было взято значительно больше, чем необходимо для штурма Галаты: *Pach.*, 121.1—12.

⁶⁰ *Μανουήλ Ὀλοβάλου ἐγκώμιον*, p. 185.37—186.7; 189. 18—30; *Wirth P. Von der Schlacht von Pelagonia*, S. 35—37.

⁶¹ *Pach.*, I, p. 133.2—10.

⁶² *Μανουήλ Ὀλοβάλου ἐγκώμιον*, p. 189.21—22: τοῦ τῆς Ἀναξιβίας καὶ τοῦ Κερκάφου.

⁶³ Поездка Кей-Кауса с Кылич-Арсланом к хану датируется концом 1259 г., так как у Абу-ль-Фиды сообщение об этом — в конце рассказа о событиях этого года.

⁶⁴ *Pach.*, I, p. 133.10—15.

⁶⁵ *Μανουήλ Ὀλοβάλου ἐγκώμιον*, p. 189.22—24.

⁶⁶ *Pach.*, I, p. 132.16—17; 133.10—12; *Dölger F. Op. cit.*, № 1887. Д. М. Найкл (*Nicol D. M. The Latin empire*, p. 326; *idem. The Last Centuries of Byzantium*, 1261—1453. London, 1972, p. 138) относит заключение договора к зиме 1260 г.

⁶⁷ *Dölger F. Op. cit.*, N 1887.

⁶⁸ Пахимер пишет, что Палеолог думал «умиротворить татар посредством брачных союзов»: *Pach.*, I, 133.15. По-видимому, на переговорах осенью 1260 г. было подтверждено обязательство о брачном союзе, который в проекте был выработан еще на переговорах с татарами при Феодоре II (1254—1258 гг.) как в Никее, так и в Каракоруме.

⁶⁹ То, что захваченные Михаилом Палеологом сельджуки были скотоводами, следует из свидетельства Мануила Оловола: βόες ἐμυκόντο Варὺ . . . ἐμυκάζοντο αἰγες: *Μανουήλ Ὀλοβάλου ἐγκώμιον*, p. 189.39.

⁷⁰ В конце 1261 г. он все-таки был вынужден обратиться к монголам с просьбой предоставить ему города Хоны, Лаодикию и Даламан. Хулагу согласился, но через год послал против него султана Кылич-Арслана IV и тот победил Мехмед-бека; см. *Sahen Cl. Notes pour l'histoire des Tourcomans*, p. 337.

Кауса II и его сына ⁷¹ на родину ⁷². Такая политика позволила императору, с одной стороны, обезопасить восточные границы своего государства, а с другой — пополнить греческую армию бежавшими сельджуками ⁷³.

Анализ восточной политики империи в последние два десятилетия ее существования показывает, что она не была неизменной на протяжении данного периода. Отношения с монголами, положенные в основу восточной политики империи еще Ватацем в начале 40-х годов XIII в., оставались определяющими как для Феодора II, так и для Михаила VIII. Однако та роль, которую они отводили Иконийскому султанату, оценивалась ими по-разному. Если Иоанн III полагал, что мира с татарами следует добиваться посредством дипломатии и опоры на собственные силы, то Феодор II, из-за необходимости вести постоянные военные действия против Болгарии и Эпира, считал не менее важным выполнять более действенно свою роль союзника сельджуков. Раздел султаната в конце 1257 г. между Кей-Каусом и Кылич-Арсланом и победа последнего в междоусобной борьбе показали новому императору Михаилу VIII Палеологу бесперспективность и опасность поддержки Кей-Кауса II.

⁷¹ Несколько ранее прибытия Кей-Кауса к императору в Никею империя прибежал «мелик», который также был задержан Михаилом; см. *Pach.*, I, p. 131.5—9. В. Лоран (*Laurent V. Une famille*, p. 361) предполагает, что это был брат Кей-Кауса, т. е. Кылич-Арслан. Однако известно, что именно последний и изгнал Кей-Кауса из Иконии, а сам остался править страной как ставленник монголов; см. *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*, p. 279. Второй брат Кей-Кауса, Кей-Кубад, был убит еще в 1256 г. Скорее всего это был сын Кей-Кауса, так как «мелик» мог обозначать как брата султана, так и его сына; см. *Lehmann B. Die Nachrichten des Niketas Choniates, Georgios Akropolites und Pachymeris über die Selcuken in der Zeit vom 1180 bis 1280 N. Chr. Dissertation. Leipzig, 1939, S. 66, n. 2; Bees N. Op. cit., S. 45—46.* Другое понимание термина «мелик» дает Д. Моравчик. Он считает, что в XII—XV вв. этим словом называли турецкого правителя и эмира; см. *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*, Bd. 2. Berlin, 1958, S. 187.

⁷² После отвоевания Константинополя султан находился в городе. Уличенный в заговоре против Палеолога, он был сослан в крепость, его полководцы ослеплены (*Duda H. Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibi*, S. 284), а рядовые сельджуки поселены в Добрудже в качестве пограничных воинов; см. *Wittek P. Op. cit., p. 14—15; idem. Yazijoghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobroudja. — «Bulletin of the School of the Oriental and African Studies», XIV/3, 1952, p. 282—285.* Сам султан вместе с сыновьями был в 1264 г. освобожден ханом Берке, приведен в Крым, и там скончался; см. *Duda H. Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibi*, S. 284; «Сборник летописей», т. 2, с. 197.

⁷³ *Pach.*, I, p. 132.5—10; прибывших же в империю сельджукских полководцев Али-Бегадур и Огурия Палеолог использовал в войнах на Балканах; см. *Duda H. Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibi*, S. 284.